

На правах рукописи

Пархоменко Дмитрий Валерьевич

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ
В СЕРБИИ 80-Х ГГ. XIX В.**

**07.00.03 – всеобщая история
(новая и новейшая)**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Казань – 2008

Работа выполнена на кафедре Зарубежной истории ГОУ ВПО "Самарский гос-ударственный университет"

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент

Кутявин Владимир Владимирович

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
доктор исторических наук, профессор

Аншаков Юрий Петрович
Рокина Галина Викторовна

Ведущая организация:
ГОУ ВПО "Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова"

Защита состоится 29 января 2009 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01 при ГОУ ВПО "Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина" по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО "Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина".

Автореферат разослан " " 2008г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

к.и.н., доцент Хайрутдинова
Дияра Рифовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Определение места Сербии в мировой цивилизационной системе координат не перестает быть актуальным на протяжении нескольких веков. Тезис о промежуточном положении Сербии между Востоком и Западом появился не только в силу ее географического положения, но и из-за особенностей ее исторического развития. В XIX в. сербы первыми из всех славян, потерявших свою государственность, сумели восстановить ее. В 40 – 90-х гг. XIX в. происходило становление сербского государства и определялась концепция его дальнейшего развития. Именно в этом отрезке истории следует искать корни всех тех социальных и политических процессов, неудач и достижений, которыми характеризуется история Сербии и в новейшее время.

После Берлинского конгресса Сербия оказалась в довольно сложном положении. Спустя столетия на карте Европы вновь появилось государство Сербия. Но только лишь этот факт не мог удовлетворить местные элиты. Угроза потери вновь обретенной независимости была вполне реальной. Чтобы обезопасить себя от повторной утраты суверенитета в пользу той или иной великой державы, княжество должно было утвердиться в роли самостоятельного субъекта международной политики, мнение которого учитывается европейскими лидерами. Но в конце 1870-х гг. у Сербии было немного оснований считаться полноценным государством. Ей только предстояло формировать свою суверенную государственность, выстраивать собственную международную политику, развивать экономику. Выполнение этих жизненно важных целей, а также реализация задач интеграции этноса и территориального расширения, по мнению сербских политиков, было возможным лишь в процессе всесторонней модернизации государства; в то же время выбор проекта развития страны и условия его реализации напрямую зависели от определения внешнеполитических ориентиров. Этот выбор для Сербии был детерминирован традиционными для нее геополитическими и культурными полюсами Восток – Запад.

Период первой половины 1880-х гг. в сербской истории в последнее время уже не является белым пятном в исторической науке. Однако рост интереса к обширной проблематике этого периода обнажает массу неизученных вопросов, каждый из которых может служить темой для развернутой научной и политической дискуссии. Вопросы, связанные с процессом модернизации сербского государства и общества, занимают в этом ряду далеко не последнее место. Несмотря на то, что современная историография склонна анализировать сербскую историю второй половины XIX – начала XX вв. в контексте изучения феномена балканской модернизации, внешнеполитические аспекты этих процессов до сих пор оставались без специального рассмотрения.

Объектом исследования является взаимосвязь процесса сербской модернизации 1880-х гг. с внешней политикой государства.

Предметом исследования стали модернизационные концепции сербских политических элит 80-х гг. XIX в., прежде всего внешнеполитические программы ведущих политических партий (напредняцкой и радикальной), сербо-

австрийские и сербо-российские отношения первой половины 1880-х гг., а также комплекс последствий, обусловленных выбором австроориентированной внешней политики.

Хронологические рамки исследования охватывают период от Берлинского конгресса 1878 г., по решению которого Сербия признавалась независимым от Османской империи княжеством, до сербо-болгарской войны 1885 г. Время от Берлинского конгресса до начала XX в. считается в историографии завершающим этапом становления сербской государственности, который связан с обретением Сербией независимости и началом процесса строительства государственных институтов, экономики, формированием суверенной внутренней и внешней политики. Однако мы сочли целесообразным ограничить рамки нашего исследования 1885 г. Развязанная Сербией война с Болгарией стала кульминацией внутреннего сербского кризиса, спровоцированного политическим курсом напредняцких кабинетов и сербского монарха. В такой сложной внутривнутриполитической обстановке дальнейшие преобразования, носившие зачастую непопулярный характер, стали невозможны и реформы были свернуты. И хотя кабинеты, сформированные партией прогрессистов, пребывали у власти вплоть до 1888 г., после сербо-болгарской войны они не предпринимали каких-либо значимых политических шагов. Особое внимание в работе уделяется периоду 1880 – 1883 гг., когда правящие круги Сербии заключили ряд соглашений с Австро-Венгрией, которые и определили вектор дальнейшего развития государства, по крайней мере на два ближайших десятилетия.

Степень разработанности темы. Историческая наука обратила внимание на феномен балканской, в частности сербской модернизации только в 90-х гг. XX в. Проблема взаимосвязи процесса модернизации в Сербии с внешней политикой государства является одним из самых малоизученных аспектов сербской истории последней четверти XIX в.

В представленной работе сербская история последней четверти XIX в. рассматривается через призму международных отношений и внешней политики как самого сербского государства, так и великих держав, заинтересованных в своем присутствии на Балканах – России и Австро-Венгрии. Выявление непосредственной зависимости сербской модернизации 1880-х от внешнеполитических факторов не представляется нам возможным без комплексного изучения влияния Австро-Венгрии и России на жизнь сербского государства и общества в указанный период. История Балкан последней четверти XIX – начала XX вв., на наш взгляд, неразрывно связана с международными отношениями. Однако на протяжении большей части XX в. изучение балканской проблематики было в определенной степени связано с устойчивыми стереотипами, которые начали формироваться еще в XIX столетии. Речь идет прежде всего о проблеме недооценки или, напротив, демонизации исторической роли империи Габсбургов. История изучения процессов, происходивших в Сербии 1880-х гг., является, на наш взгляд, частным случаем этой историографической проблемы, которая в большей степени характерна для отечественной исторической науки.

Дореволюционная российская историография не могла уделять большого внимания изучению истории Балкан Нового времени, поскольку должной временной дистанции, отделяющей исторические события от современности, еще не возникло. Периодическое повышение интереса к странам полуострова было обусловлено тем или иным изменением диспозиции в борьбе России и Австро-Венгрии за влияние в регионе. Злободневный, зависимый от политической конъюнктуры подход к анализу балканских событий последней четверти XIX в. привел к тому, что империя Габсбургов постепенно приобретала для российской общественности образ врага. Редким исключением были работы, не имевшие выраженной антиавстрийской тональности, такие как «История Сербии» А.Л. Погодина¹. Сходная и вполне объяснимая картина австрофобии при рассмотрении сербской тематики была характерна и для союзных России стран Антанты перед началом и в годы Первой мировой войны. Подобный тон задавали европейские публицисты и историки, склонные винить во всех сербских бедах Вену².

Стереотип, связанный с исключительно негативным восприятием австрийской балканской политики, переключался в новую эпоху. Империю Габсбургов продолжали рассматривать как исторического противника России, незаконно властвовавшего над славянскими народами – потенциальными проводниками российского влияния в регионе. Такой категоричный подход исключал появление значимых работ по австро-унгаристике. Что же касается изучения вопросов сербской истории, то в советской науке межвоенного периода югославистика была одним из наименее разработанных направлений. Советской историографией история стран Югославии в конце XIX – начале XX в. зачастую рассматривалась лишь в контексте международных отношений перед Первой мировой войной при выявлении ее предпосылок³. Специальным изучением интересующего нас периода последней четверти XIX в. никто не занимался.

После Второй мировой войны в СССР повышается интерес к югославистике. В годы войны происходит новая актуализация идеи славянской взаимности перед лицом традиционной угрозы германской экспансии. В то же время это негативно сказалось на объективной оценке роли и места Австро-Венгрии в судьбе стран Восточной Европы. Внешняя политика так называемой «тюрьмы народов» расценивается советской историографией как исключительно агрессивная, направленная на внешнюю экспансию и подавление национально-освободительных движений в своих границах и в соседних славянских государствах⁴. Это сказалось и на изучении сербской проблематики, поскольку подоб-

¹ **Погодин, А.Л.** История Сербии / А.Л. Погодин. – СПб., 1910.

² См., напр.: **Seton-Watson, R. W.** The Spirit Of The Serb / R. W. Seton-Watson. – London, 1915.

³ **Зайончковский, А.М.** Подготовка России к мировой войне в международном отношении / А.М. Зайончковский. – Л., 1926; **Могилевич, А. А.** На путях к мировой войне 1914-1918 / А.А. Могилевич, М.Э. Айрапетян. – Л., 1940.

⁴ См., напр.: **Галкин, И.С.** Австро-Венгрия и Италия в 1870 – 1914 гг. / И.С. Галкин. – М., 1952; **Сказкин, С.Д.** Конец австро-русско-германского союза / С.Д. Сказкин. – М., 1974.

ный взгляд на Австро-Венгрию исключал объективное рассмотрение вопросов, связанных с ее влиянием на жизнь Сербии.

Вплоть до 1990-х гг. в отечественной науке, занимающейся сербской историей XIX в., преобладали два основных направления, взаимосвязанных между собой: изучение сербского национально-освободительного движения и рассмотрение обширной проблематики русско-сербских отношений в XIX в. В 1970-80-х гг. отечественная югославистика наряду с вопросом культурных и научных связей Сербии с Россией в XIX в., поднимает проблему роли России в становлении сербской государственности. На этом фоне ярко выделяется научная деятельность С.И. Данченко (Бочкаревой)¹. Таким образом, отечественная историография обращает свое внимание на период 1880-х гг. в сербской истории. Однако чаще он изображается только как время потери Сербией собственной политической и экономической независимости и превращения в сырьевой придаток Австро-Венгрии. Соответственно, негативно расцениваются и действия сербских политиков проавстрийского толка.

В последние десять лет в отечественной и сербской историографии существует направление, которое предполагает изучение Сербии последней четверти XIX в. в контексте происходивших там в этот период модернизационных процессов. Большой интерес представляют труды известного югослависта А.Л. Шемякина, исследователя деятельности сербской радикальной партии и ее вождя Николы Пашича². Шемякин также является автором большого числа статей, посвященных обширной проблематике периода последней четверти XIX в. в сербской истории³. Целый ряд интересных работ по истории Сербии последней четверти XIX в., в которых различные проблемы рассматриваются именно через призму модернизационных процессов опубликовала Л.В. Кузьмичева⁴. На вопросы, связанные с модернизацией сербского государства в XIX в., обращают свое внимание и многие другие российские югослависты. В 1990-е гг. российская наука начинает пересматривать и свое отношение к истории Австро-Венгрии. Появляется цикл публикаций и сборников, в которых империя Габс-

¹ **Данченко, С.И.** Русско-сербские общественные связи (70-80 гг. XIX в.) / С.И. Данченко. – М., 1989; **Данченко, С.И.** Развитие сербской государственности и Россия 1878 – 1903 гг. / С.И. Данченко. – М., 1996.

² **Шемякин, А.Л.** Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 – 1891) / А.Л. Шемякин. – М., 1998.

³ **Шемякин, А.Л.** Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации / А.Л. Шемякин // Славянские народы: общность истории и культуры: сб. науч. тр. – М., 2000; **Шемякин, А.Л.** Политические партии в независимой Сербии / А.Л. Шемякин // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.): сб. науч. тр. – СПб., 2006.

⁴ См., напр.: **Кузьмичева, Л.В.** Сербия между Западом и Востоком: поиски пути государственного строительства в XIX в. / Л.В. Кузьмичева // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: сб. науч. тр. – М., 2003; **Кузьмичева, Л.В.** Йован Ристич о проблемах государственного строительства Сербии / Л.В. Кузьмичева // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.): сб. науч. тр. – СПб., 2006;.

бургов рассматривается уже не как «тюрьма народов», а как многонациональное государство, имевшее собственный потенциал развития, за которым признается «историческая легитимность»¹. Своеобразная «реабилитация» Дунайской монархии сказалась и на отечественной югославистике. Современные исследователи уже не столь категоричны в оценке австро-венгерского влияния на сербскую историю 1880-х гг. Однако подавляющее большинство работ, посвященных этому периоду, все же имеют традиционный для отечественной науки уклон либо на изучение сербской внутренней политики, либо на исследование сербо-российских отношений. Такой интерес к данной тематике понятен. Использование учеными огромного пласта ценных материалов по русско-сербским отношениям, находящегося в российских архивах, придает отечественным научным изысканиям большое значение. Труды российских югославистов пользуются немалым уважением в Сербии, где регулярно издаются русско-сербские сборники научных статей и периодически публикуются источники из российских архивов. Однако нужно отметить, что в работах российских авторов «австрийский» аспект сербской истории либо остается в тени, либо рассматривается вскользь. Кроме того, отечественные исследователи по-прежнему склонны оценивать действия «проавстрийских» кабинетов как не отвечающие интересам сербского государства 80-х гг. XIX в.

Тема внешнеполитических аспектов процесса модернизации Сербии в последней четверти XIX в. является одной из наиболее актуальных для современной сербской исторической науки. Но, как и российские ученые, сербские исследователи обратились к этой проблеме сравнительно недавно.

О взаимосвязи современной им политической картины балканской действительности с тем вектором развития, который Сербия избрала в 80-х гг. XIX в., сербские историки начали задумываться уже в 1930-х гг. В 1934 г. впервые был издан труд выдающегося сербского историка Слободана Йовановича «Правление Милана Обреновича». Уделяя большое внимание фактическому материалу, Йованович в своей работе старался избегать категоричных суждений и критики, поэтому его книга не богата выводами. Однако ценность данного труда в том, что он изобилует фактами, подкрепленными обширным комплексом репрезентативных источников². В 1938 г. выходит фундаментальная работа В. Чубриловича и В. Джоровича «Сербский народ в XIX в.». Последний и самый обширный том этого труда посвящен интересующему нас периоду³. Как и С. Йованович, они стараются избегать категоричных суждений, но, в отличие от него, дают критическую оценку деятельности напредняцкого правительства и Милана Обреновича, задаваясь вопросом о правильности избранного пути развития государства.

Интерес сербских историков 1930-х гг. к периоду последней четверти XIX

¹ Австро-Венгрия: опыт многонационального государства: сб. науч. тр. – М., 1995; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика: сб. науч. тр. – М., 1997.

² **Йовановић, С.** Влада Милана Обреновича: в 3 кн. / С. Йовановић. – Београд, 1995.

³ **Чубриловић, В.** Србија од 1878 до 1903 године/ В. Чубриловић, В. Норовић // Српски народ у XIX в.: в 3 т. Т.3. [приред. В. Чубриловић]. – Београд, 1938.

в. легко объясним, поскольку именно в это время происходило не только само становление независимого сербского государства, но и окончательное формирование «великосербской идеи» (идеи создания на Балканах югославянской державы под эгидой Сербии). Она зародилась еще в 1840-х гг. и с тех пор стала одним из главных оснований сербской государственной идеологии. А первые десятилетия XX в. стали эпохой ее воплощения в жизнь – Сербия начала собирать под собой югославянские земли. Недюжинный интерес к «великосербской идее» проявляет и современная постюгославская историография¹.

Вопрос определения места Сербии в мировой цивилизационной системе координат всегда интересовал представителей национальной историографии. Но в последнее десятилетие этой проблеме уделяется особо пристальное внимание. Выходит немало работ, посвященных определению места Сербии в извечном противостоянии Востока и Запада². В этом контексте в последние годы учеными нередко рассматриваются и русско-сербские отношения³.

В современной сербской историографии существует несколько тенденций, связанных с изучением национальной истории последней четверти XIX в. Все более популярным становится рассмотрение проблематики этого периода в контексте процесса модернизации. Ряд историков склонен считать, что благодаря преобразованиям начала 1880-х гг. Сербия вплотную приблизилась к «европейским образцам». Иными словами, они признают эффективность преобразований, проводимых напредняцким правительством⁴. Существует и противоположная точка зрения, называющая европеизацию 1880-х гг. «фасадной» и не отвечающей интересам и задачам сербского государства⁵. Представители этого направления отчасти солидарны в своих выводах с российскими учеными. В сербской исторической науке, которая в последние годы проявляет большой интерес к событиям 1880-х гг., существует и более взвешенное в оценках направление. Его представители не столь категоричны в своих высказываниях о положительном влиянии напредняцкой модернизации на историю Сербии. Однако они вовсе не склонны считать напредняцкие кабинеты лишь марионеткой

¹ **Екмечић, М.** Појам Велике Србије према светским узорима / М. Екмечић // Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе: зб. науч. рад. – Београд, 2002; **Михаиловић, К.** Економски аспект «великосрпске политике» / К. Михаиловић // Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе: зб. науч. рад. – Београд, 2002.

² **Терзић, С.** Српски национални покрет између Русије и западних сила (велико раскриће друге половине XIX века) / С. Терзић // Европа и Срби: зб. науч. рад. – Београд – Нови-Сад, 1996; **Трговачевић, Ј.** Српска интелигенција у XIX веку – западни и источни утицаји / Ј. Трговачевић // Европа и Срби: зб. науч. рад. – Београд – Нови-Сад, 1996

³ **Поповић, Н.Б.** Поударност интереса Русије и Србије (1878-1914) / Н.Б. Поповић // Руска политика на Балкану: зб. науч. рад. – Београд, 1999; **Терзић, С.** Идејни садржај и стратегија руске балканске политике (1856 – 1914) / С. Терзић // Руска политика на Балкану: зб. науч. рад. – Београд, 1999.

⁴ Нова историја Српског народа [Приред. Д. Батаковић]. – Београд-Лозана, 2000. – С.188.

⁵ **Перович, Ј.** Сербия в модернизационных процессах XIX – XX веков / Ј. Перович // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах: сб. науч. тр. – СПб., 2007. – С. 40.

в руках Вены¹. Впрочем, историки, придерживающиеся подобной точки зрения, занимали определенное место в сербской историографии на протяжении всего XX в.² Однако несмотря на появление новых тенденций, комплексного изучения взаимосвязи процесса модернизации в Сербии с ее внешней политикой сербская историография, как, впрочем, и российская, не проводила.

Европейская и американская историография уделяет довольно скромное внимание интересующему нас периоду сербской истории. Сербская тема если и затрагивается, то лишь в контексте международных политических или экономических отношений второй половины XIX в.³ Для европейской славистики характерно изучение истории Балкан в контексте рассмотрения проблем национально-освободительного движения и национального самоопределения народов полуострова в рамках Восточного вопроса. В этом ключе работали английские историки первой половины XX века как либерального (Р. У. Ситон-Уотсон⁴, Г. Темперли⁵), так и консервативного направления (У. Н. Медликот⁶). В своих работах они рассматривали Восточный вопрос и его последствия не только как борьбу великих держав за влияние в Балканском регионе, но и учитывали движения его народов, не забывая при этом напоминать читателю о «цивилизаторской» миссии Великобритании на Балканах, что присуще многим английским исследователям первой половины XX в. Национальным вопросом в балканской истории XIX в. интересовались и американские исследователи⁷.

Французская историография конца XIX – первой четверти XX вв. рассматривала историю Сербии в основном в контексте ее отношений с Австро-Венгрией и в целом с германским полюсом Европы. Выдающийся славист того времени Луи Леже был убежден в необходимости ознакомить Запад с жизнью славянских народов. Начав с изучения истории и культуры западных славян, он переключился затем на исследование южных славян и России⁸. Леже разделял идею сближения славянских народов и считал необходимым полное освобождения южных славян от Османской империи, а западных — от австро-

¹ **Марковић, С.Г.** Гроф Чедомил Мјатовић. Викторијанац међу србима / С.Г. Марковић. – Београд, 2006.

² **Пржић, И.** Сполљашна политика Србије / И. Пржић. – Београд, 1939.

³ См. напр.: **Gauld, W.A.** The Anglo-Austrian Agreement of 1878 / W.A. Gauld // The English Historical Review. – 1926. – Vol. 41. – No. 161; **Lampe, J.R.** Varieties of Unsuccessful Industrialization: The Balkan States Before 1914 / J.R. Lampe // The Journal of Economic History. – 1975. – Vol. 35. – No. 1; **Palairret, M.** Merchant Enterprise and the Development of the Plum-Based Trades in Serbia, 1847-1911 / M. Palairret // The economic History Review, New Series. – 1977. – Vol. 30. – No. 4; **Wren, M.** Pobedonostsev and Russian Influence in the Balkans, 1881-1888 / M. Wren // The journal of Modern History. – 1947– Vol. 19. – No.2.

⁴ **Seton-Watson, R. W.** The rise of nationality in the Balkans / R. W. Seton-Watson. – London, 1917.

⁵ **Temperley, H.** England and the Near East / H. Temperley. – London, 1936.

⁶ **Medlicott, W.N.** The Congress of Berlin and After. A diplomatic history of the Near Eastern Settlement 1878 – 1880 / W.N. Medlicott. – London, 1938.

⁷ **Gewehr, W. M.** The Rise of Nationalism in the Balkans / W. M. Gewehr. – New York, 1931.

⁸ **Leger, L.** Russes et Slaves: études politiques et littéraires / L. Leger. – Paris, 1918.

немецкого гнета. Известный французский славист Эрнест Дени также был сторонником идеи славянской общности, разделял точку зрения Леже и считал, что славяне должны с помощью Франции преодолеть свои внутренние противоречия и создать вместе с нею антигерманский блок. Сербии он посвятил отдельную монографию «Великая Сербия»¹. Но чаще в работах французских историков начала XX в. сербская проблематика рассматривалась не отдельно, а в процессе анализа внешней политики империи Габсбургов². Однако в послевоенный период, когда австро-венгерская тематика была снята с повестки дня, интерес к Сербии со стороны французских ученых заметно снизился. Среди современных французских славистов нельзя не отметить Ж. Анселя, автора концепции, отодвигающей на второй план такие категории, как национальность, границы, государство, во имя демократической сельской единицы цивилизации, присущей балканскому крестьянскому населению, которое, будучи полноправным хозяином своей земли, желает быть также полноправным хозяином государства. Свою позицию он доказывает в том числе и на примере Сербии³.

Сербский вопрос затрагивается и в работах европейских историков, посвященных австро-венгерской внешней политике, которые, впрочем, как и в отечественной историографии, немногочисленны. В этом ряду можно отметить монографию английского историка Ф. Бриджа «От Садовы до Сараево», в которой автор не последнее место отводит австро-сербским отношениям⁴.

Несмотря на то, что современная историография стала уделять внимание изучению обширной проблематики сербской модернизации последней четверти XIX в, вопрос зависимости этих процессов от внешнеполитических факторов до сих пор оставался без специального рассмотрения.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сформулировать **цель** диссертационного исследования – выяснение причин сербского выбора прозападного «австроориентированного» пути модернизации в 1880-х гг., анализ последствий этого выбора и определение соответствия выбранного пути задачам модернизации, стоявшим перед страной.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- Рассмотреть геополитическую ситуацию, в которой оказалась Сербия в последней четверти XIX в., и проанализировать степень заинтересованности Австро-Венгрии и России в «приобретении сербских акций».
- Определить «сверхзадачу» сербской модернизации, то есть выяснить, какие цели стояли перед Сербией после Берлинского конгресса и чем была обусловлена необходимость всесторонней модернизации государства и общества.
- Рассмотреть модернизационные концепции, предлагаемые сербскими элитами в начале 1880-х гг., и проанализировать их жизнеспособность.

¹ Denis, E. La Grande Serbie / E. Denis. – Paris, 1915.

² См, напр.: Larmeroux, J. La politique extérieure de L'Autriche-Hongrie 1875 – 1914 / J. Larmeroux. – Paris, 1918.

³ Ancel, J. Peuples et Nations des Balkans / J. Ancel. – Paris, 1993.

⁴ Bridge, F.R. From Sadowa to Sarajevo. The foreign policy of Austria-Hungary 1866 -1914 / F.R. Bridge. – London, 1972.

- Проанализировать комплекс позитивных и негативных последствий, которые повлек за собой выбор и реализация «проавстрийской» модернизационной концепции.

Методологической основой диссертационной работы являются принципы историзма и объективности, а также системный подход, которые предполагают изучение явлений и процессов в развитии и взаимосвязи на основе комплексного изучения различных видов источников. В качестве методов критического анализа материала были использованы традиционные для отечественной и зарубежной историографии сравнительно-исторический и историкотипологический, благодаря которым можно выявить особенности и характерные черты австрийской и российской политики на Балканах, идеологии и программных положений сербских политических группировок. Диссертация является конкретно-историческим исследованием, в котором также применяются отдельные элементы исследовательских методов политологии, социологии и этнологии, особенно при анализе основных теоретических понятий (модернизация, национализм и др.)

Источниковая база исследования. В диссертационном исследовании были использованы дипломатические документы, сербские партийные документы, сербская, российская и австро-венгерская публицистика и мемуаристика, а также материалы российской и австрийской прессы.

В работе использовались фонды Архива внешней политики Российской империи. Большой интерес представляет дело № 44 фонда «Миссия в Белграде», где приводятся соглашения, заключенные сербской стороной с другими странами в период с 1878 по 1888 г. Основную ценность для нашей работы представляют австро-сербские договоры, приведшие Сербию в экономическую и политическую зависимость от империи Габсбургов, такие как Железнодорожная конвенция, Договор о строительстве железной дороги, Торговый договор¹. Для сравнительного анализа небезынтересны соглашения Сербии с другими государствами, приведенные в том же деле.

Дипломатическими документами, представляющими в работе официальную Россию, являются ежегодные отчеты Министерства иностранных дел Российской империи по делам Сербии за период от 1878 по 1903 гг., опубликованные в Сербии при участии российских историков². Отчеты содержат лаконичный анализ всего произошедшего в Сербии за тот или иной год, отражая позицию официального Петербурга.

Для выяснения отношения сербского народа к смене внешнеполитических ориентиров, проведенной правительством напредняков и сербским монархом, в числе прочих свидетельств нами было использовано дело фонда «Славянский стол», где собраны разнообразные обращения, прошения, поздравительные адреса, поступившие в российское консульство и миссию в Белграде от сербских

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. – Оп. 508/2. – Д. 44.

² Годишњи извештаји Министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878 – 1903) [Уред. Л.В. Кузмичева и Д Ковачевића]: в 2 т. Т.1. – Нови-Сад, 1996.

граждан и переправленные в Россию. Характер и обилие подобных документов говорит о том, что несмотря на смену внешнеполитического вектора, отношение многих сербов к России оставалось благожелательным и она по-прежнему воспринималась в народе как покровительница Сербии¹.

Поскольку одной из генеральных линий работы является исследование модернизационных концепций, выдвинутых политическими элитами Сербии в 80-х гг. XIX в., первостепенными становятся источники, отражающие суть двух конкурирующих проектов государственного развития, выдвинутых ведущими сербскими политическими партиями – напредняцкой и радикальной. Этот комплекс включает в себя партийные программные документы², политическую публицистику³, мемуары сербских политиков того времени⁴.

Источником, отражающим официальную австро-венгерскую точку зрения, являются публицистические работы бывшего австрийского посла в Белграде, а в интересующий нас хронологический период австро-венгерского наместника в Боснии и Герцеговине, а впоследствии имперского министра финансов В. Каллая⁵. Кроме того, нами были использованы материалы из центральных австрийских газет, таких как официальный орган имперского правительства «Wiener Zeitung», а также периодические издания «Wiener Sonn und Montags Zeitung» и «Wiener Presse». Прежде российские югослависты сосредоточивались на изучении преимущественно русско-сербских отношений и вопросов внутренней политики Сербии и уже в силу этого не могли должным образом оценить значимость австрийской прессы как источника. В нашей работе этот вид источников необходим, поскольку венские газеты содержали не только информационный материал, но порой становились трибуной для видных австрийских политиков.

Противостояние России и Австро-Венгрии на Балканах в последней четверти XIX в. не могло оставить безучастными представителей интеллигенции этих великих держав. Российское общественное мнение воспринимало изменение сербского внешнеполитического вектора исключительно негативно. Прежде всего австрофильством сербских правящих кругов были возмущены славянофильствующие круги Российской империи. В качестве источников нами бы-

¹ АВПРИ. Ф. Славянский стол. – Оп. 495.

² Српска напредна странка. – Београд, 1881; Штатути напредне странке. – Београд, 1889; Штатути напредне странке. – Београд, 1892; Српска напредна странка обнављена 30 јануара 1906 г. – Београд, 1906.

³ **Јовановић, В.** Ера страних зајмова у Србији / В. Јовановић. – Београд, 1906; **Миловановић, М.** Наша спольашна политика / М. Миловановић. – Београд, 1894; **Пашић, Н.** Писма, чланци и говори (1872 – 1891) / Н. Пашић. – Београд, 1995; **Пашић, Н.** Слога Србо-Хрвата / Н. Пашић. – Београд, 1995; **Пирочанац, М.** Наша завршна реч (поводом дискусије о политици кн. Михаила) / М. Пирочанац. – Београд, 1896; Поглед на политику Србије после Берлинског уговора. – Београд, 1887.

⁴ **Гарашанин, М.** Доколице / М. Гарашанин. – Београд, 1939; **Јовановић, В.** Успомене / В. Јовановић. – Београд, 1988.

⁵ **Калај, В.** Русија на Истоку / В. Калај. – Нови-Сад, 1885; **Калај, В.** Угарска на границе Истока и Запада / В. Калај. – Сарајево, 1903.

ли использованы труды представителей этого течения¹. Немалое внимание балканской тематике уделяли в 1880-х гг. и российские журналы славянофильского толка – «Русская мысль»² и «Русский Вестник»³. Противостоящий славянофилам лагерь западников представляет в нашей работе журнал «Вестник Европы» под редакцией М.М. Стасюлевича⁴. Данное издание анализирует политические события в мире, в том числе и на Балканах, с точки зрения либерального западничества. Как и положено, гораздо более нейтральную позицию, нежели западнические или славянофильствующие издания, старалась выдерживать газета «Правительственный вестник»⁵. Однако даже официальный рупор правительства не удерживается от оценочных суждений при освещении событий, касающихся балканской, в том числе сербской, политики Австро-Венгрии. Это не только в очередной раз подтверждает общественную заинтересованность сербской тематикой, но и говорит о том, что официальный Петербург, внешне отстранившись от дел княжества, по-прежнему внимательно следил за развитием событий в Сербии, традиционно воспринимая ее как потенциальную сферу влияния.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что данная тема впервые получает специальное рассмотрение. В диссертации принята попытка ответить на вопрос, был ли сербский выбор прозападного «австроориентированного» пути модернизации закономерным и обусловленным целым рядом объективных причин и был ли иной вариант развития событий? Помимо сербских и российских источников, в работе используются австрийские материалы, в частности периодическая печать, ранее не привлекавшаяся отечественными историками.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов политической истории Сербии последней четверти XIX в., для изучения процесса модернизации в Сербии после Берлинского конгресса, в специальных и общих курсах по новой истории южных и западных славян, в семинарских занятиях и научной работе со студентами.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Несмотря на то, что Сербия в последней четверти XIX в. не была приоритетным направлением российской внешней политики, для Петербурга было важно сохранить – хотя бы и не в полной мере – свои позиции в этом государстве, дабы не допустить дальнейшей экспансии Австро-Венгрии в восточ-

¹ Аксаков, И.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т.1. Славянский вопрос / И.С. Аксаков. – М., 1886; Бивен, М. Политика Австрии с 1867 г. / М. Бивен. – СПб., 1915; Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – СПб., 1991; Иванов, И.Е. Возрождение Сербского государства и интриги Австрии / И.Е. Иванов. – М., 1914; Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и Славянство / К.Н. Леонтьев. – М., 1996.

² Русская мысль. – 1880 – 1883.

³ Русский Вестник. – 1880 – 1882.

⁴ Вестник Европы. – 1880 – 1885.

⁵ Правительственный вестник. – 1880 – 1885.

ном направлении и не потерять своего многовекового имиджа покровительницы славян. Таким образом, несмотря на охлаждение русско-сербских отношений в 1880-х гг., Сербия по-прежнему находилась в сфере интересов двух великих держав – России и Австро-Венгрии.

2. Сербия имела собственные внешнеполитические задачи, связанные с реализацией «великосербской» идеи, то есть создания югославянского государства под эгидой Сербии. Эта идея должна была не только лечь в фундамент внешней политики государства, но и стать основой его консолидации – национальной идеей. Не имея необходимых ресурсов для реализации великосербского проекта и находясь под угрозой австро-венгерской и российской экспансии, Сербия должна была встать на путь форсированной всесторонней модернизации.

3. В начале 1880-х гг. в Сербии появляется два конкурирующих модернизационных проекта – напредняцкий (прозападный, а соответственно ориентированный на Австро-Венгрию) и радикальный (самостоятельное развитие под покровительством России). Однако несмотря на различие методов, и напредняки, и радикалы в своих проектах руководствовались общей целью – сохранением государственного суверенитета Сербии и реализацией «великосербской идеи». При этом обе стороны отдавали себе отчет в невозможности сербской модернизации без участия одной из великих держав.

4. Активные действия австрийской дипломатии вкупе с внешне пассивной политикой российского кабинета привели к тому, что к концу 1870-х гг. Сербия в своей внешней политике оказалась один на один с монархией Габсбургов. В этих условиях князь Милан Обренович занял проавстрийскую позицию и привел к власти кабинет, состоящий из напредняков, который начал реализацию собственного модернизационного проекта. В начале 1880-х гг. напредняцкое правительство заключило ряд соглашений с Австро-Венгрией. Несмотря на то, что эти договоры были неравноправными для сербской стороны, они во многом способствовали реализации напредняцкого проекта форсированной модернизации. Железнодорожная конвенция и Торговый договор привели в зависимое положение сербскую экономику, но при этом способствовали ее перспективному развитию. Негативное влияние на положение Сербии оказал только Тайный австро-сербский договор, поставивший страну в политическую зависимость от Вены, не давая ей при этом значимых преференций.

5. Форсированная модернизация сербских политических институтов, экономики и общественной жизни спровоцировала политический кризис в стране. Это объясняется не только естественным внутренним конфликтом, который характерен для традиционного общества, переживающего период модернизации, но и неприятием большинством сербов австрийского вектора модернизационной политики напредняцкого кабинета. Однако напредняцкий проект нельзя считать абсолютно проваленным. Во многом именно напредняцкая форсированная модернизация позволила Сербии занять лидирующие позиции в югославянском мире и образовать единое государство сербов, хорватов и словенцев, а впоследствии Югославию.

Апробация. Результаты диссертационного исследования были представлены автором в докладах и сообщениях на научных конференциях молодых ученых и специалистов в Самарском государственном университете в 2004, 2005, 2006, 2007 гг., на межвузовской конференции в Самаре «Война и общество» в 2004 г., на "I Урало-Поволжской исторической ассамблее" в 2006 г. и отражены в 6 публикациях.

Структура работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее научной разработанности, определяются хронологические рамки исследования, указываются цели и задачи работы, характеризуется методологическая основа и источниковая база, устанавливается научная и практическая значимость диссертации.

В первой главе – «Берлинский рубеж. Сербия и новая балканская политика» анализируется геополитическая ситуация, в которой оказалась Сербия после Берлинского конгресса: сербская политика Австро-Венгрии и России, заинтересованных в присутствии на Балканах, а также собственные внешнеполитические задачи Сербии.

В первом параграфе «Австро-Венгрия и Россия на «постберлинских» Балканах» анализируется степень заинтересованности России и Австро-Венгрии в укреплении и расширении собственного влияния на Балканах и в Сербии в частности. Рассматривается и политический «инструментарий», которым пользовались стороны для реализации своей балканской политики.

В конце 1870 – первой половине 1880-х гг. Габсбургская империя занимает лидирующие позиции в регионе, оттеснив Россию на второй план. Во-первых, балканское направление внешней экспансии было единственно возможным для дуалистической монархии. Во-вторых, только контролируя политические процессы, происходящие в независимых государствах полуострова, Австро-Венгрия могла уберечь себя от элементарного распада. Главную опасность для ее целостности представлял внутренний сепаратизм, который мог быть спровоцирован укреплением соседних славянских государств. В-третьих, большое влияние имел фактор экономической заинтересованности Австро-Венгрии в балканских рынках.

Что же касается России, то в ее внешней политике последней четверти XIX в. кроме балканского существовали азиатское и дальневосточное направления. К тому же в отличие от Австро-Венгрии у нее не было сильной экономической заинтересованности в балканском регионе. Тем не менее острая необходимость контролировать Босфор и Дарданеллы, немаловажные вопросы поддержания международного имиджа империи и внутреннего авторитета правящих кругов не позволяли России оставить Балканы. Однако, не имея среди великих держав

союзников, способных поддержать ее в этом внешнеполитическом направлении, Россия была вынуждена считаться с австро-венгерскими устремлениями. Произошел передел зон влияния, в результате которого Петербург отказался от активной поддержки Сербии, которая входила в сферу интересов Габсбургской империи. При этом Россия сохранила свое присутствие в Болгарии, которая интересовала ее больше, чем другие страны региона. Этот интерес был напрямую связан с вопросом проливов. Однако для «покровительницы славян» это была скорее *вынужденная* и временная мера. Российская династия, правительство и общественность продолжали пристально следить за делами Сербии. Внешне демонстрируя политическое бездействие, Россия продолжала попытки оказания идеологического и культурного влияния на жизнь сербского государства.

Во втором параграфе «Великосербская» идея как путь к независимости. Внешнеполитические задачи княжества после Берлинского конгресса» анализируется идеология, которая не только легла в основу внешнеполитической доктрины княжества после Берлинского конгресса, но и теснейшим образом была связана с внутривнутриполитической жизнью Сербии, поскольку политические элиты страны готовили ей роль национальной идеи.

Преследуя на Балканах свои собственные цели, Австро-Венгрия и Россия должны были считаться не только друг с другом. Берлинский конгресс стал точкой отсчета новой балканской политики. Народы, получившие собственную государственность, начали обнаруживать стремление к освобождению от роли разменной монеты в международных сделках великих держав. У Сербии были собственные внешнеполитические задачи, которые во многом противоречили интересам Австро-Венгрии и России. Для Сербии их реализация без преувеличения являлась вопросом жизни и смерти.

Фундаментом внешнеполитической доктрины Сербии после Берлинского конгресса стало стремление к объединению всего сербского этноса в единое государство, собиранию сербских земель в их «естественных границах» или, иначе говоря, создание «Великой Сербии». Кроме того великосербская идея легла в основу сербского национализма. Представители подавляющего большинства политических элит Сербии, независимо от партийной принадлежности, выдвигали идею создания «Великой Сербии» в качестве национальной идеи, которая способствовала бы консолидации сербского этноса и формированию единой сербской нации.

Национализм, основой которого была великосербская идея, был призван не только поддерживать внутреннюю стабильность в государстве, консолидировать общество и оправдывать его внешнеполитическую экспансию. Главной задачей для Сербии все же было сохранение суверенитета. Национализм выступал в данном случае как защитная реакция на агрессивные действия великих держав. Независимость казалась весьма шаткой. Необходимо было не только собрать воедино все исконные земли, но и занять в регионе стратегически важные в экономическом и военно-политическом плане позиции, в частности, обрести выход к Адриатике. Экономический аспект был немаловажной составляющей «великосербской политики». Сербия не могла развиваться, имея лишь

одно, австро-венгерское, направление экспорта и импорта. Получить доступ к другим европейским рынкам Сербия могла, только прорвавшись к морю.

В начале 1880-х гг. у Сербии не было ни сил, ни ресурсов для реализации своей национальной идеи или, другими словами, обретения сербским народом полного суверенитета и установления сербской гегемонии на Балканском полуострове. Ей нечего было противопоставить великим державам, мягко говоря, не заинтересованным в превращении Сербии в балканскую «сверхдержаву». Молодому государству требовалось накопить достаточный политический, экономический, военный потенциал. Для этого Сербия должна была вступить на путь всесторонней модернизации.

Во второй главе «Сербский выбор модернизационной концепции и ее реализация» рассматриваются модернизационные проекты, предложенные сербскими элитами в начале 1880-х гг., а также анализируется комплекс позитивных и негативных последствий, которые повлек за собой выбор и реализация «проавстрийской» модернизационной концепции.

В первом параграфе «Сербия на перепутье. Две модели модернизации» рассматриваются конкурирующие модернизационные проекты, предложенные в начале 1880-х гг. двумя ведущими политическими партиями Сербии – напреднячкой и радикальной. Кроме прочих различий, проекты имели противоположные внешнеполитические векторы. В условиях «постберлинской» Сербии, неспособной провести модернизацию только лишь своими силами, внешнеполитические аспекты модернизации играли важнейшую роль. Анализ этих концепций и попытка определения их жизнеспособности помогают понять, почему в итоге победил проект, предложенный напреднячкой партией.

В 80-х гг. XIX в., ключевое для сербской истории время, появились два проекта дальнейшего пути развития молодой балканской страны. Прогрессистов и радикалов, которые в начале 1880-х гг. создали собственные политические партии, условно можно отнести к двум противоборствующим лагерям «европеистов» и «антиевропеистов». Речь в данном случае идет не только о внешнеполитической ориентации. Существо дискуссии заключалась в отношении к Европе, ее ценностям и образцам. Если исходить из традиционного понимания политической модернизации, то в Сербии последней четверти XIX в. ее последовательными сторонниками были только напредняки. Они предлагали постепенную перестройку государства по *западному* образцу. Это классическая трактовка модернизации в ее *догоняющем* варианте. Такой вариант характерен для стран, пытающихся преодолеть свою технологическую, экономическую а вместе с тем и политическую отсталость от государств Западной Европы. Оппоненты прогрессистов – радикалы – имели собственное мнение о том, каким путем должна пойти страна в своем развитии. Лидер партии, ее главный идеолог Никола Пашич выступил инициатором ожесточенной межпартийной дискуссии о путях развития сербского государства, которая стала основой политической жизни Сербии на протяжении 1880-х гг. Пашич был первым сербом, который задался закономерным вопросом: нужно ли для развития страны вместе с технологическими и экономическими ноу-хау заимствовать и политические ин-

ституты? Никола Пашич отвечает на поставленный вопрос однозначно – нет. Но это не означает, что идеи Пашича были антимодернизационными, а проект напредняков настолько вписывался в рамки классической модернизации догоняющего образца, как это кажется на первый взгляд.

Выступая за реальное разделение властей и гражданские свободы, последовательными демократами прогрессисты не были. Законодательная власть в их проекте государственного устройства отводилась сенату, выборы в который не были всенародными. Высокий избирательный ценз формировал довольно небольшую политически активную часть населения. Свою позицию напредняки объясняли неготовностью подавляющего большинства сербов к занятиям политикой. Они считали, что система, при которой подобное большинство могло оказывать влияние на политику государства, стала бы тормозом прогресса. Члены радикальной партии видели иной путь развития Сербии. Они признавали технологический прогресс при сохранении важнейших институтов и норм традиционного уклада. В отличие от напредняков радикалы считали, что прогресс не противоречит традиционным нормам, а является силой их сохранения и совершенствования. Народ виделся им единым социальным и национальным организмом, который должен выражать свою волю снизу вверх, посредством самоуправления. Идеал самоуправления – традиционная для сербов крестьянская демократия. По их проекту, центральное положение в управлении должна была занимать Народная Скупщина, которую избирают местные скупщины, избираемые в свою очередь общинами. Община является основой всего – залогом сохранения сербской нации.

Важным моментом для исследования является степень самостоятельности Сербии в процессе своего развития, которую предполагали в своих проектах напредняцкие и радикальные идеологи. Проблема выбора модернизационной концепции и пути дальнейшего развития для Сербии в 80-х гг. XIX в. была самым тесным образом связана с выбором внешнеполитических ориентиров. Диктовалось это не только ее географическим положением. Многие представители политических элит были уверены в том, что Сербия не способна была исключительно своими силами модернизировать общество и в короткий срок превратиться из отсталой крестьянской страны в современное государство. Сербии был необходим сильный союзник, который защищал бы ее интересы перед другими державами и выступал бы гарантом ее безопасности. К тому же для модернизации требовалось привлечение иностранного капитала. Большую роль в данном вопросе играла и проблема поиска модернизационного образца.

В политической дискуссии представители двух партий нередко прибегали к взаимным упрекам в желании поступиться сербским суверенитетом в пользу внешнеполитического «покровителя», допустить иностранное вмешательство в дела Сербии, если попутно это вмешательство подстегнет модернизационные процессы.

Формально очень трудно упрекнуть прогрессистов в том, что они стремились модернизировать государство ценою частичной потери Сербией самостоятельности. Через все редакции напредняцкой партийной программы и труды

видных прогрессистов проходит без изменения жесткая позиция относительно внешней политики в отношении великих держав и соседних балканских государств. Постулируется недопустимость любой иностранной опеки и любого вмешательства в балканские дела, которое противоречило бы интересам национального освобождения и самоопределения балканских народов и Сербии в частности. Напредняки не питали иллюзий относительно Австро-Венгрии и России, осознавая экспансионистскую направленность их политики и угрозу для сербского суверенитета. Тем не менее, они считали Австро-Венгрию – в противовес России – проводником европейской цивилизации на Балканах. По мнению прогрессистов, Россия не могла выступить в этой роли, т.к. сама являлась патриархальной страной.

Радикалы имели противоположное мнение. Никола Пашич был уверен, что тактика прогрессистов, направленная на сближение с Веной, подрывала основы славянской православной цивилизации в Сербии и открывала дорогу германскому и католическому проникновению. По его мнению, Запад мог превратить сербов в покорный этнографический материал, служащий чужим целям, «купив» его благами капиталистического общества. Для претворения в жизнь своей идеи «общинной демократии» радикалы считали необходимыми два фактора. Для победы внутри страны, по их мнению, было достаточно иметь на своей стороне «заведенный» агитацией народ. Но эту победу нужно было обеспечить международными гарантиями. В противовес официальной «австрофильской» Сербии они обратили свои взоры на Россию. Однако от этой поддержки с течением времени радикалы планировали отказаться. Несмотря на упреки оппонентов в безоглядной русофилии, они считали Россию лишь «меньшим злом», по всей видимости, воспринимая поддержку «деспотической» империи только как стартовый импульс для духовного, национального и политического возрождения Сербии и противовес напредняцкому австрофильскому курсу. При этом главной внешнеполитической задачей радикалы так же, как и напредняки считали реализацию национальной идеи объединения всего сербского этноса и интеграцию балканских народов. О «продаже» Сербии в обмен на помощь в формировании государственности здесь тоже не может быть и речи.

Версия напредняков была более жизнеспособной. На данном этапе Россия не была заинтересована в активном участии в судьбе Сербии. Подобная позиция объяснялась целым рядом причин, как политических, так и экономических. Поэтому сотрудничество с ней, из которого Сербия могла бы извлекать определенные выгоды, тем самым подстегивая внутренние модернизационные процессы, было практически невозможным. Австро-Венгрия, напротив, проявляла к своей соседке живой интерес, а следовательно, даже сама того не желая, могла способствовать развитию Сербии, поддерживая с ней тесные торговые отношения и ввозя в страну-партнера свои капиталы. Однако позиция радикалов в Сербии была более популярной. Идея «пророссийской» ориентации была привлекательна для большей части сербского народа, традиционно считавшего «славянскую» и православную империю естественным союзником Сербии. Россия традиционно воспринималась большинством сербского населения как

заступница от близкого и опасного врага, а таковым после устранения турецкой угрозы ему виделась именно Австро-Венгрия. Угроза российского экспансионизма могла осознаваться лишь немногочисленными элитами, но никак не большинством сербов, тому просто не было наглядных примеров. Зато австрийские войска в Боснии и Герцеговине являлись живым доказательством «дружелюбия» западной соседки.

Если идея тесного австро-венгерско-сербского сотрудничества была столь непопулярной в стране, то чем же кроме геополитических причин объяснялся такой резкий и безапелляционный поворот сербской внешней политики именно в сторону Австро-Венгрии и столь поспешный разрыв с Россией? Такая тактика была, без сомнения, в духе напредняков. Но сами по себе, будучи «партией немногих», они не смогли бы прийти к власти в стране и совершить этот поворот. Однако не стоит забывать, что, несмотря на существование в Сербии конституции и представительного органа, в руках ее монарха была сконцентрирована немалая власть, и решающее слово всегда оставалось за ним. Князь Милан был глубоко обижен безразличной позицией России по отношению к Сербии во время Берлинского конгресса и после него. У честолюбивого по природе Милана Обреновича было гораздо больше поводов дружить с Веной. При поддержке Габсбургов он собирался заполучить для Сербии статус королевства и войти в семью европейских монархов. Для воплощения в жизнь подобной политики Милану необходима была опора на некоторые политические силы внутри страны. На роль таковых как нельзя лучше подошли напредняки, составившие правительство, которое с готовностью стало проводить политику сближения с Австро-Венгрией, полностью соответствовавшую их программе модернизации. И в большинстве своих начинаний они вполне могли рассчитывать на всемерную поддержку монархии Габсбургов и венского кабинета.

Второй параграф «Напредняцкая эра». Реализация и проверка на прочность внешнеполитической составляющей модернизационной концепции прогрессистов» посвящен анализу последствий, которые повлекла за собой практическая реализация напредняцкого модернизационного проекта.

По инициативе князя Милана Обреновича в 1880 г. был сформирован кабинет, состоящий из напредняков. Правительство прогрессистов безотлагательно стало готовить документы, цементирующие новое направление сербской внешней политики. Важнейшими официальными соглашениями, определившими дальнейшее развитие событий, стали Железнодорожная конвенция и Торговый договор. Будучи тесно связанными между собой, эти соглашения стали первыми шагами Вены на пути подчинения Сербии. Торговый договор, предоставляя большие преимущества Австро-Венгрии завязывал экспорт Сербии на австрийские рынки. При этом у Вены в руках находились экономические рычаги воздействия на княжество. Она имела возможность фактически без ограничения использовать таможенные инструменты, влияя тем самым не только на торговые отношения двух государств, но и на внутреннюю политику Сербии, поскольку сербская экономика, лишившись единственного направления вывоза сельскохозяйственной продукции, стала бы несостоятельной. Же-

лезнодорожная конвенция и договор о строительстве подкрепляли данное положение вещей, поскольку сербская ветка была ориентирована только лишь на австро-венгерское направление. Следующим этапом подчинения Сербии австро-венгерским интересам стало заключение Тайной конвенции. Этот документ ввергал Сербию в состояние политического «вассалитета» по отношению к западной соседке. Наиболее невыгодной была ст. 4, не разрешавшая Сербии без предварительного соглашения с Австро-Венгрией ни обсуждать, ни заключать политического договора с каким-либо другим правительством, ни допускать на свою территорию чьих-либо вооруженных сил, включая добровольцев.

Этими актами Австро-Венгрия смогла привести Сербию к состоянию полной политической и экономической зависимости от Дунайской монархии. И этому во многом способствовали напредняки, реализующие собственную модернизационную концепцию. Однако несмотря на целый комплекс проблем, порожденных внешней политикой напредняцкого кабинета, она положила первые камни в фундамент экономической модернизации. Основой этого стала железная дорога, вокруг которой в свое время было столько споров. Несмотря на то, что в первые годы сербская ветка была ориентирована лишь на Австро-Венгрию, уже вскоре она приросла новыми направлениями, утратив статус локальной и позволив Сербии выйти на мировые рынки. Торговый договор, хоть и носил для Сербии неравноправный характер, дал ей возможность развивать аграрный сектор экономики благодаря прибылям, извлекаемым из торговли с Австро-Венгрией. Эти доходы также могли быть использованы страной для становления собственной индустрии, что и произошло впоследствии. К тому же благодаря торговле с Австрией Сербия отчасти ликвидировала существовавший ранее дефицит промышленных товаров, без которых индустриальное развитие также было невозможно. Средства вкладывались в развитие инфраструктуры и, что немаловажно для Сербии, мечтавшей о гегемонии на Балканах, в перевооружение армии. Даже Тайный договор, в целом неблагоприятный для Сербии, сослужил ей хорошую службу в сербо-болгарской войне 1885 г., когда, следуя букве этой конвенции, Австро-Венгрия избавила Сербию от крупных экономических и территориальных потерь, остановив и сгладив конфликт.

Что же касается внутренней политики, то стратегия напредняцкого кабинета, которая за редким исключением не противоречила их модернизационной концепции, также имела как ряд позитивных, так и ряд негативных моментов. Будучи сторонниками элитарного подхода к модернизации, прогрессисты проводили непопулярную политику, ориентируясь на будущее и не считаясь с сиюминутными потребностями населения. В частности, постоянно рос бюджетный дефицит, что было вызвано чрезмерным объемом иностранных займов, которые, по мнению напредняков, были необходимы для проведения в жизнь модернизационных реформ. Пытаясь компенсировать дефицит, правительство постоянно повышало налоги, что не могло понравиться населению.

В первый год своего пребывания у власти напредняки в своей внутренней политике не изменяли принципам, прописанным в партийной программе. В 1881 г. в Сербии были введены свобода печати, свобода собраний и объедине-

ний, провозглашена независимость судебной системы. Эти шаги можно охарактеризовать только как стремление к демократизации общества. Однако уже вскоре кабинет стал заложником своей непопулярной финансовой и внешней политики, которые вызывали недовольство у большей части населения. Для упрочения своих позиций правительство и король искали поддержки в Вене, которая силой оружия могла удержать их у власти. Но этот союзник требовал, чтобы ему платили той же монетой, и прежде всего Вена желала устранения с поля своего главного противника – России, а также ослабления антиавстрийского элемента в самом сербском обществе.

С этой целью в 1881 г. был отстранен от кафедры и выслан из страны митрополит Михаил, известный своей приверженностью России и связями с российскими общественными деятелями. Тем самым был фактически нейтрализован главный оплот русофильства в стране – сербская православная церковь. Однако по-прежнему была сильна радикальная партия, желавшая сотрудничать с Петербургом и всячески подогревавшая антиавстрийские настроения в обществе. К осени 1883 г. недовольство в стране политикой правительства достигло критической отметки. На выборах в скупщину в сентябре 1883 г. партия Пашича одержала убедительную победу. Однако король Милан не позволил радикалам сформировать кабинет. Этот акт Милан закрепил роспуском скупщины. Поводом к окончательной расправе с оппозицией стало Тимокское восстание. Его формальной причиной стали действия правительства, проводимые в рамках реорганизации ополчения и превращения его в регулярную армию. С этой целью было объявлено об изъятии оружия у населения. По стране прокатилась волна протеста, подавленная войсками. Однако Тимокский бунт, по мнению большинства исследователей, был ничем иным, как выплеском социальной напряженности, накопившейся вследствие недовольства политикой правящих верхов. Внутриполитические факторы (игнорирование королем результатов выборов, роспуск скупщины, усилившийся налоговый гнет) дополнялся факторами внешнеполитическими. Тесное сближение с Австро-Венгрией противоречило национальным чувствам сербского народа.

Восстание стало для Милана поводом начать преследование оппозиции. По Сербии прокатилась волна арестов. Большинство радикалов, объявленных разжигателями восстания, вынуждено было эмигрировать. В результате устранения из страны оппозиции сербский парламентаризм окончательно уступил место единоличному правлению короля и верного ему правительства. Правящие круги Сербии получили карт-бланш для проведения своего курса. Вена, в свою очередь, теперь имела полную свободу действий в Сербии. С момента тимокских событий можно говорить о внутренне- и внешнеполитическом кризисе правящего режима в Сербском королевстве. Новый напредняцкий кабинет изменил законы, введенные в начале 1880-х гг. Была ограничена свобода печати, собраний и обществ. Появилась жандармерия. Но эти меры не разрядили ситуацию и только усилили народное недовольство.

Наиболее ярким проявлением внешнеполитического кризиса, который переживал правящий режим, стал сербо-болгарский конфликт. Поводом для него

стало объединение Болгарии с Восточной Румелией (сентябрь 1885 г.). Усилившаяся Болгария могла угрожать сербским интересам в Македонии. В историографии существует мнение, что король Милан затевал внешний конфликт, чтобы разрядить внутреннюю обстановку в стране, устроить «блиц-криг», удовлетворявший националистические чувства народа. Однако король выбрал неверный путь, объявив войну Болгарии. Большинство сербской общественности выступало за войну в союзе с Болгарией против Турции, в которой болгары отстаивали бы Восточную Румелию, а сербы освободили бы Старую Сербию.

Война окончилась поражением Сербии, и от полного разгрома ее спасло только вмешательство Австрии, которая, следуя ст. 7. Тайной конвенции, была обязана поддерживать Сербию в ее желании территориальных приобретений. Ее стараниями Сербия не понесла ни финансовых, ни территориальных потерь. Однако конфликт с Болгарией был крайне негативно принят сербской общественностью. Политический кризис, «первой ласточкой» которого было Тимокское восстание, достиг апогея. После войны стало ясно, что «напредняцкая эра» клонится к закату. Результатом проигранной войны стало то, что Милан, чувствуя непрочность своего положения, согласился передать власть радикалам и принять в 1888 г. либеральную конституцию. Во время нахождения у власти радикального кабинета были вновь налажены отношения с Петербургом.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны выводы и обобщения по теме.

Общественная дискуссия по поводу выбора пути дальнейшего развития государства, развернувшаяся между сторонниками противоборствующих модернизационных концепций, стала одной из самых острых в истории Сербии. Однако, как показало наше исследование, проекты напредняков и радикалов нельзя считать диаметрально противоположными. Обе модели конечной целью имели модернизацию, превращение Сербии в конкурентоспособное, современное и независимое государство. И радикалы, и напредняки в своих проектах учитывали национальные, исторические и геополитические особенности своей страны. И те, и другие признавали необходимость преобразований, которые помогли бы в реализации бесспорной для всех сербов (независимо от партийной принадлежности) национальной идеи. Кроме того, представителей двух лагерей осознавали невозможность абсолютной самостоятельности преобразований для Сербии. И напредняки, и радикалы понимали, что в силу общего отставания их государства от развитых европейских стран, а также благодаря геополитическому положению княжества, внутренняя, на первый взгляд, задача модернизации оказывается для Сербии напрямую связанной с внешней политикой – выбором партнера и покровителя из двух великих держав, заинтересованных в своем присутствии в регионе. Тем не менее из анализа внешнеполитической стратегии двух партий видно, что и те, и другие осознавали, что такое положение вещей связано с определенной опасностью. Угроза экспансионизма виделась им как со стороны Австро-Венгрии, так и со стороны России, и в этих условиях рациональным признавалось лишь лавирование между интересами великих держав для достижения собственных целей. Внешнеполитический

«бонапартизм», поставленный на службу национальным интересам – основа внешнеполитического проекта и той, и другой партии. Сообразно разработанным концепциям были избраны «великодержавные» партнеры для проведения сербской модернизации.

В первой половине 1880-х гг. в Сербии начинается реализация напредняцкой модернизационной модели. Победу этой концепции обеспечил, прежде всего, ее австро-венгерский вектор. Имея в отличие от России экономические рычаги давления на Сербию, Вена могла оказывать на нее огромное влияние – сербский ввоз и вывоз был ориентирован прежде всего на австро-венгерский рынок. К тому же австрофильскую позицию занял сербский монарх, считавший Габсбургскую империю гарантом своей власти в условиях нестабильного внутреннего положения в стране и по ряду причин не питавший доверия к России. Большинство сербов традиционно недоверчиво относилось к Австро-Венгрии, при этом испытывая симпатии к России. Однако Петербург, не имея с княжеством налаженных торговых контактов, не мог активно и без ущерба для себя способствовать его экономическому развитию, что являлось одним из важнейших залогов модернизации и в понимании напредняков, и в понимании радикалов, что стало еще одним аргументом в пользу концепции прогрессистов.

Одним из основных недостатков напредняцкого проекта стала его заикленность исключительно на европейских образцах развития. Проводимая ими тактика «европеизации» вызвала мощный внутрисполитический кризис в стране, поскольку заключалась не в приспособлении европейских принципов к аграрной Сербии, а в коренной ломке традиционного «патриархального» уклада. Благодаря форсированным темпам модернизации, развитие государства опережало эволюцию традиционного менталитета крестьянства, что привело к неприятию большинством граждан политики правящих кругов. «В штыки» воспринимались порой меры, объективно необходимые в процессе модернизации. Кроме того, правительственная ориентация на Австро-Венгрию и отрицание всего русского также кардинально расходились с мнением большинства граждан, поскольку это также являлось коренной ломкой традиций. Поэтому проавстрийский курс монарха и правительства не только не находил поддержки в народе, а, напротив, вызывал негодование.

Кроме того, Австро-Венгрия была не самым удачным каналом «насыщения» Сербии западноевропейскими политическими, экономическими и технологическими достижениями. Безальтернативная опора на Вену, не предполагающая внешнеполитического противовеса австро-венгерскому экспансионизму, на наш взгляд, тактически являлась слабым звеном напредняцкой политики. Не в интересах Австрии было становиться цивилизатором. Ею двигали экспансионистские устремления. Экономически и политически развитая Сербия могла только помешать ее грандиозным планам расширения на восток.

Однако как показало наше исследование, несмотря на целый комплекс проблем, порожденных политикой напредняцкого кабинета, она положила первые камни в фундамент экономической модернизации. Таким образом, вопреки распространенному в отечественной историографии мнению, модернизацион-

ный проект напредняков, нельзя считать полностью проваленным. Несмотря на комплекс негативных последствий, его можно считать частично реализованным. Благодаря политике напредняцкого правительства Сербия перешла от теории модернизации к практике, встав на сложный путь прогресса и построения собственной государственности. Однако, объективно оценивая результаты напредняцкой модернизации, хотелось бы поспорить с теми представителями сербской исторической науки, которые считают, что в результате этих преобразований Сербия превратилась в современное европейское государство. Внутриполитический кризис в стране, ее тяжелое экономическое положение, проигранная сербо-болгарская война ясно давали понять, что несмотря на проведенные реформы, сербская модернизация находилась в эмбриональном состоянии.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Список публикаций в ведущих рецензируемых научных журналах

1. Сербский национализм последней четверти XIX века как основа внешнеполитической идеологии государства / Д.В. Пархоменко // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск: "Актуальные проблемы истории и археологии" / Отв. ред. Ю.П. Аншаков. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2006. – С. 153-157.
2. Австро-сербский торговый договор 1881 г.: рабство или модернизация? / Д.В. Пархоменко // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск: "Актуальные проблемы истории и археологии" / Отв. ред. Ю.П. Аншаков. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2007. - С. 128 – 132.

Список публикаций в сборниках тезисов конференций и вузовских сборниках

3. Балканская политика Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв. / Д.В. Пархоменко // Война и общество / Отв. ред. А.Б. Окунь. – Самара: "Универс-групп", 2004. – С. 272 - 278.
4. Сербия после Берлинского конгресса. Проблема внешнеполитической ориентации и железнодорожный вопрос / Д.В. Пархоменко // Тезисы докладов XXXV научной конференции студентов 12 – 17 апреля 2004 г. – Самара, 2005. С. 51 – 54
5. Владимир Йованович. Сербский либерализм в эпоху модернизации 1880-х гг. / Д.В. Пархоменко // История и историография зарубежного мира в лицах / Под ред. В.В. Кутявина. – Самара: Изд-во "Самарский университет", 2005. – Вып. VII. – С. 74 - 84.
6. Никола Пашич против напредняков. Две модели сербской модернизации 1880-х гг. / Д.В. Пархоменко // История и историография зарубежного мира в лицах / Под ред. В.В. Кутявина. – Самара: Изд-во "Самарский университет", 2007. – Вып. VIII. – С. 116 – 129.